Шмуэль Йосеф Агнон. Теила (1950)

Была в Иерусалиме старушка. Чудесная старушка, никогда такой не видел. Умная, справедливая, скромная удивительно, симпатичная необыкновенно. Глаза внимательно светятся, а морщинки на лице такие мирные, светлые. Если бы женщины могли походить на ангелов, я сравнил бы ее с Божьим ангелом. И еще у нее была девичья живость. Не носи она старушечьи платья, вы бы не увидели в ней старости.

Пока я не уезжал из Иерусалима, я не знал ее. Вернувшись, снова в Иерусалим, я с ней познакомился. Как же я не знал ее раньше? А как вы не знаете ее сейчас? Просто каждому на роду написано познакомиться с тем, кого он встречает, и в каком месте, и в какое время, и при каких обстоятельствах. При каких обстоятельствах я с ней познакомился? Было это так. Я пошел навестить одного иерусалимского ученого мужа, который живет у Западной Стены, и не нашел его дом. Встретил женщину с ведром в руке и спросил. Она сказала: Пойдемте, покажу. Я сказал: Стоит ли мне затруднять вас? Видно, лучше вернуться обратно. Она улыбнулась и сказала: Вам жалко, если старуха сделает *мицву*? Я сказал: Если это мицва, – пожалуйста, только дайте мне ваше ведро. Она улыбнулась и сказала: Вы хотите умалить мою мицву? Я сказал: Я хочу умалить не мицву, а усилие. Она сказала: Это не усилие, это дар Всевышнего, когда Он дает нам силы самим нести свою ношу.

Мы прыгали с камня на камень в извилистых переулках, сторонясь верблюдов, ослов, водоносов, бездельников и любителей новостей. Наконец, моя провожатая остановилась и сказала: Вот дом, который вы ищете. Я поблагодарил ее и вошел.

Я нашел его дома. Он сидел у стола. Не знаю, вспомнил он меня или нет, как раз перед моим приходом он сделал великое открытие. Поэтому, увидев меня, он рассказал мне о нем. Потом рассказал еще раз. Когда я собрался уходить, я хотел спросить его о старушке, показавшей мне дорогу. У нее было такое мирное лицо и такой приятный голос. Но разве можно отвлечь ученого мужа, увлеченного своей наукой?

Через несколько дней я снова шел в Старый город к одной старушке, вдове раввина, сыну сына которой я перед возвращением в Иерусалим обещал навестить ее.

В этот день начались зимние дожди, и солнце съежилось за облаками. Такой день за границей считается осенним, но жители Иерусалима, которые семь месяцев в году нежатся на солнце, каждый день, когда солнце унимает свой жар, считают зимой. В такой день все прячутся по домам или во дворах – везде, где есть крыша.

Я разгуливал взад и вперед, вдыхая свежесть дождя, моросившего в цветном тумане, с шумом несшегося по камням, стучавшего о стены домов, плясавшего на крышах и падающего капелью, образуя множество луж, то мутных, то кристально чистых, сверкающих в лучах солнца, которое выходило из облаков, чтобы справиться – не убывают ли воды. В Иерусалиме солнце даже в дождливый день не забывает о своем долге.

Я прошел под сводами ювелирных лавок и прилавков с пряностями, мимо сапожников и ткачей, изготовляющих одеяла, и мимо варящих пищу, и вышел на еврейскую улицу. Завернувшись в тряпье и обмотки, сидели нищие; они ленились даже высунуть руку из-под лохмотьев и с гневом смотрели вслед проходившим, не сунувшим руку в карман. У меня было немного мелочи. Я шел от одного нищего к другому и подавал каждому. Затем я спросил, где дом вдовы раввина, и мне его показали.

Я вошел во двор, в один из тех дворов, при виде которых у вас возникает сомнение, живет ли здесь кто-нибудь вообще, поднялся на шесть или семь ступенек по разбитой лестнице и очутился у покосившейся двери. Снаружи я встретил кошку, а внутри наткнулся на кучу отбросов. Из-за холода не было видно ни души, и только сердитый, мрачный голос спросил: Кто здесь? Я поднял глаза и увидел нечто вроде железной кровати, на которой горой громоздились подушки и одеяла. Под горой лежала испуганная и рассерженная старушка.

Я поздоровался и сообщил, что приехал из-за границы и пришел передать привет от сына ее сына. Она высунула руку из-под подушки, подтянула одеяло под самую шею и спросила, сколько домов у ее внука, есть ли служанка, в каждой ли комнате ковер. Затем вздохнула и сказала, что этот холод сживет ее со света. Увидев, как ей докучает холод, я решил, что керосиновая печь должна облегчить ее страдания. Я напряг все свои дипломатические способности и сказал, что ее внук дал мне деньги, чтобы купить ей печку, переносную печку, в которую наливают керосин и зажигают фитиль, и она горит и дает тепло. Я вытащил кошелек и сказал ей: Вот деньги. Она также дипломатично ответила: Как я могу купить печку, разве у меня есть ноги? Ледышки у меня, а не ноги. Еще прежде, чем этот холод сведет меня на Масличную гору[1], я сойду с ума. А там, за границей, говорят, что Израиль – теплая страна. Теплая она для грешников в аду. Я сказал ей: Завтра выглянет солнце и больше не будет холодно. Она сказала: Пока дождешься, что утешение придет, душа от тела отойдет. Я сказал: Через два часа я пришлю вам печку. Она съежилась среди подушек и одеял – мол, знаю я этих мнимых доброхотов, нельзя на них полагаться.

Я попрощался, пошел на улицу Яффо, купил самую лучшую переносную печь и послал ее старой раввинше. Через час я вновь зашел к ней, вдруг она не знакома с переносными печами и нужно научить ее искусству зажигать их. По дороге я подумал, что, пожалуй, не услышу из ее уст слова благодарности. Есть разные старушки. Та, что привела меня к дому ученого мужа, была мила и приятна, эта же, которой я послал печку, в тягость даже тем, кто желает ей добра.

Тут я должен оговориться. Я совсем не хотел похвалить одну старушку за счет недостатков другой. И тем более не собирался описывать город и его население. Человеческий глаз ограничен, он не в состоянии вместить весь град Всевышнего, благословенно Его Имя. А если это так, так почему я вспомнил раввиншу? Потому что у входа в ее дом я вновь встретился с той старушкой.

Я посторонился, освобождая дорогу. Она остановилась и спросила о моем здоровье, как спрашивают у близких. Я немало удивился. Не из тех ли она старушек, которых я знал в Иерусалиме до отъезда? Но почти все они умерли,

[1] Место старинного еврейского кладбища.

угасли от голода в дни войны, а если и какая-нибудь еще жива, то ведь и я изменился. Из Иерусалима я уехал юношей, а теперь годы жизни на чужбине сделали меня стариком, – могла ли она узнать меня?

Она заметила, что я удивлен, засмеялась и спросила: Разве вы не узнаете меня? Это ведь вы хотели нести мое ведро, когда я вам показала дорогу. Я сказал: Это вы показали мне дорогу, а я стою и удивляюсь, будто мы не знакомы. Она засмеялась и сказала: Разве вы должны знать всех старушек в Иерусалиме? Я сказал: А как вы меня узнали? Она ответила: Такой уж город Иерусалим, глаза его ждут прихода детей Израиля, и каждый, кто приходит сюда, остается в нашем сердце, и мы его не забываем. Я сказал ей: Холодный сегодня день, дождь и ветер, а я стою и задерживаю вас. Она ласково сказала: Я знала холода сильнее иерусалимского. А что дождь и ветер, – разве мы не молимся *Приносящему дождь и ветер*[2]? Ты сделал великую мицву, ты оживил старые кости. Печка, которую ты прислал раввинше, согрела ей душу. Я опустил голову, смущенный похвалой. Она почувствовала это и сказала: Мицвот даны не для того, чтобы их стыдиться. Наши предки совершали множество мицвот и не разглашали своих дел. Но теперь у нас мицвот немного, и оповестить о мицве – тоже мицва. Пусть и другие услышат и учатся поступать, как мы. Теперь ступай, сыночек, к раввинше, посмотри, как мицва может согреть.

Я вошел к раввинше и нашел ее сидящей у затопленной печки.

Капли света вытекают из дырочек печки, и весь дом наполнен теплом, и тощая кошка нежится у нее на коленях, а она смотрит в печку и обращается к кошке: Мне кажется, ты радуешься теплу больше, чем я. Я сказал: Я вижу, что печка хорошо горит и греет. Довольны ли вы своей печкой? Раввинша сказала: Довольна? Разве оттого, что я скажу, она перестанет вонять или будет лучше греть? Вот в моем доме была печка, так та горела с исхода Суккота и до Песаха, а грела, как солнце в середине лета. Все радовались той печке, не то что нынче – эти печурки дают тепло лишь на минуту. Правда, чего ж требовать от нынешних изобретателей, разве они могут сделать что-нибудь полезное? Хорошо еще, что делают вид, будто что-то мастерят. Я так и сказала им в нашем городе, когда после смерти раввина, моего мужа (да почиет он в мире), в город прибыл новый раввин. Я им сказала: вы думаете, этот будет таким же, каким был ваш покойный рабби? Хорошо еще, если он не натворит всяких бед. И когда соседи пришли посмотреть печку, которую мне внук прислал из-за границы, я им тоже сказала: печка стоит нынешнего поколения, а поколение стоит этой печки. Что пишет тебе мой внук? Ничего не пишет? Мне он тоже не пишет. Он считает, что раз прислал мне какую-то печку, больше ничего мне не должен.

Расставшись с раввиншей, я сказал себе: я тоже думаю, что исполнил долг, послав ей какую-то печку, и больше не обязан к ней ходить. Но в конце концов я снова пришел к ней по милости той же симпатичной старушки. Как видно, предначертанное нам число встреч еще не исполнилось.

И снова я должен сказать, что не собираюсь описывать все, что случилось со мной в эти дни. Дела наши многочисленны, и если говорить обо всем, сил не хватит. Но о том, что касается той старушки, стоит рассказать.

---

[2] Слова из молитвы Амида (Шмонэ эсрэ), в благословении Гвурот (Силы) в зимнее время.

В канун Новомесячья я, как и все иерусалимцы, отправился к Западной Стене. Зима уже почти прошла, появились весенние побеги. Небо возносилось во всей своей чистоте, земля сбросила печальные покровы. Солнце смеялось в небе, и город плыл в его свете. И если б не наши беды, было б совсем радостно. Ой, много бед и много горя выпало нам тогда, и шли они чередой.

От Яффских ворот и до самой Стены идут и идут мужчины и женщины, из всех общин, какие только есть в Иерусалиме. Идут *олим хадашим*, которых привел Всевышний на это место, а места своего они пока не нашли.

Вдоль всей Стены в будках мандатной полиции расселась мандатная полиция, чтобы все видели, что только она охраняет молящихся. Видят это наши враги и украдкой выжидают. Кутаются молящиеся в талесы, жмутся к камням Стены. Кто погружен в молитву, а кто недоумевает: что ж Ты, Господи? доколе? Мы уж до последней ступени унижения дошли, а Ты все не спешишь с Избавлением.

Я нашел себе место у Стены и стоял не то среди молящихся, не то среди дивящихся. Я удивлялся народам мира. Мало того, что они угнетают нас во всех странах мира, они продолжают делать это и здесь – в нашем же доме.

Пока я стоял и размышлял, мандатный полицейский с дубинкой в руке согнал меня с места. Что его так разгневало, от чего он раскипятился? Одна болезная старушка пришла сюда с табуреткой. Полицейский подскочил к ней, пнул табурет, повалил старуху и отобрал у нее табуретку. Старая женщина преступила закон, начертанный перстом мандата, – приносить к Стене стулья запрещено! Все видели и все молчали. Разве добьешься правды у сильного?

Подошла моя знакомая старушка и посмотрела на блюстителя порядка. Полицейский опустил глаза и возвратил табурет.

Я приблизился к ней и сказал: Ваши глаза сильнее всех обещаний Англии. Англия дала нам Декларацию Бальфура и шлет ее же отменяющие приказы, а вы только посмотрели на этого бандита – и сразу все его злые помыслы развеялись. Она же сказала: Не говори так, он хороший, он увидел в моих глазах огорчение и возвратил бедняге табурет. Вы уже помолились? Почему я спрашиваю? Потому что если да, то я вместе с вами исполню *мицву* посещения больных. Раввинша, чтоб она была здорова, слегла. Она сегодня очень больна. Если хотите, я поведу вас короткой дорогой. – Я согласился и последовал за ней.

Переходим из переулка в переулок, со двора на двор, и на каждом шагу старушка останавливается: то даст ребенку кусочек сахара, то бедняку грошик, мужа спросит о здоровье жены, жену – о здоровье мужа. Я сказал ей: Вы каждого спрашиваете о здоровье, позвольте же и вас спросить о том же. Она ответила: Благословенно Его Имя, с Ним мне всего хватает. Всевышний всем людям дает все необходимое, и я в их числе. Больше всего я благодарна Ему за то, что сегодня Он удвоил мою долю. Я спросил ее: Какую? Она ответила: Я всегда успеваю прочесть один дневной раздел псалмов, а сегодня успела два. И, сказав, погрустнела. Я сказал: Ваша радость ушла. Она, помолчав, сказала: Да, сыночек, я была рада, а теперь нет. И, сказав это, повеселела. Подняла глаза и сказала: Слава Богу, грусть рассеялась. Я сказал: Отчего вы сначала погрустнели, а потом снова повеселели? Она ласково сказала: Если не рассердишься, я скажу тебе, что не так ты должен был спросить, но так: Чем ты удостоилась, что Преблагой снял печаль с твоей души? Ведь для Него все едино, что радость, что грусть. Я сказал ей: Я бы, может, и рассердился, но будет лучше, если вы научите меня говорить.

Ведь это целая наука, как сказано: *блажен, кто не забудет Тебя*.[3] Она сказала: Ты хороший и к месту вспомнил стих, вот и я расскажу тебе что-то хорошее. Ты спросил, почему я была весела, а потом печальна, а потом повеселела? Ты знаешь, наверное, что все дела человека предначертаны ему с рождения и до самой смерти, даже сколько раз он прочтет Книгу Псалмов. Одни за день читают всю книгу, другие – только дневной раздел, а иные и того меньше. Я обычно читаю дневной раздел, а сегодня псалмы так увлекли меня, что я не заметила, как прочла два. Я об этом задумалась и вдруг поняла: может быть, я больше не нужна на свете и меня торопят завершить то, что я должна исполнить? Ведь как отрадно благодарить Его, а когда я умру, я не смогу прочесть ни одного псалма, даже ни одной буковки! Увидел Всевышний мою печаль, и мое желание Его тронуло, и Он дал мне понять, что если Он хочет завершить мою жизнь, то такова Его воля, и не дело мне грустить. И тотчас снял печаль с моей души, да благословится Имя Его.

Я глянул на нее украдкой: как приходят к такому смирению? Я начал думать о прежних поколениях, отличавшихся добрыми нравами. Я заговорил с ней об ушедших поколениях и сказал: В моих глазах вы увидели больше, чем я сказал словами. Она ответила: Когда человеку дано прожить долгие дни и годы, ему многое приходится видеть – и хорошее, и даже еще лучше хорошего. Я попросил ее: Расскажите о хорошем. Она помолчала и сказала: В детстве я была болтливым ребенком. С утра и до вечера рот у меня не закрывался. А у нас был сосед, старик. Как-то он сказал тем, кого моя болтовня развлекала: Жалко девочку, если она все свои слова скажет в детстве, что ж она станет делать в старости? Я испугалась, – не может ли так случиться, что завтра я онемею? Но со временем я поняла мысль старика: человек не должен торопиться делать то, на что ему даны долгие годы. И я приучила себя взвешивать каждое слово, нужно произнести его или нет. И так как я начала беречь слова, запас мой еще не истощился. А теперь, когда у меня еще кое-что осталось, ты хочешь, чтобы я так сразу все потратила? Если я это сделаю, я сокращу свои дни. Я сказал: Этого я совсем не просил. Что же это, мы идем-идем и все еще не пришли к дому раввинши. Сказала старушка: Ты помнишь, наверное, раньше город был сплошным проходным двором. А теперь, когда его заселили арабы, мы должны обходить их, и дороги стали длиннее.

Мы заглянули в некий двор. Она сказала: Видишь этот двор? Раньше здесь жило сорок еврейских семей, здесь были две синагоги, здесь молились, и днем и ночью учили Тору, но люди покинули этот двор. Пришли арабы и поселились в нем. Мы подошли к кофейне. Она сказала: Видишь этот дом? Здесь была большая иешива, здесь сидели и учили Тору, этот дом оставили, и пришли арабы, и заняли его. Мы миновали стойла для ослов. – Видишь эти стойла? Здесь была кухня для бедных, и честные бедняки входили сюда голодными и выходили сытыми. И эту кухню тоже оставили, и пришли арабы и заняли ее. Дома, в которых звучали молитвы и слова Тора и люди творили добро, теперь наполнились криком ослов и голосами арабов. Ну, а теперь, сыночек, мы пришли: это двор старой раввинши. Заходи, я тоже зайду вместе с тобой. Бедняжка, она мечтает о мнимых сокровищах где-то за морем, а подлинных совсем не замечает. Я сказал: Какие сокровища? Она улыбнулась: Спрашиваешь? Разве ты не читал: *Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтоб он жил во дворах*

[3] Слова из молитвы на Рош-ѓа-Шана.

Твоих.[4] Какие же дворы у Всевышнего? Дворы Иерусалима. Так уж повелось у людей: когда поминают Иерусалим, добавляют: святой город; я же говорю, не прибавляя ни слова, ведь святость Иерусалима в самом его имени. Иди, иди, сыночек, и не споткнись на лестнице. Сколько раз я говорила старосте иешивы, что лестницу надо починить. А он что отвечает? Двор, мол, все равно разваливается, его все равно сломают, и он не потратит на эту развалюху ни гроша. Вот так и ветшают дома Израиля, а потом их оставляют, и приходят арабы, и занимают их. Так-то, потомки покидают дома, выстроенные на слезах предков. Но снова я болтаю, укорачиваю свой век.

Придя к раввинше, я нашел ее лежащей в постели, с повязкой на голове и платком на шее, и кашляла она так, что склянки с лекарствами, стоявшие возле постели, содрогались от этого кашля. Я спросил ее: Вы больны? Она застонала и глаза ее наполнились слезами. Я хотел утешить ее и не нашел слов утешения, опустил глаза и сказал: Больна и одинока. Она вновь застонала и сказала: Больна, совсем больна. Во всем мире нет такой больной, как я. Но я, во всяком случае, не одинока. Даже здесь, в Иерусалиме, где меня совсем не знают, не знают, в каком почете я жила раньше, даже здесь нашлась женщина, которая заходит ко мне и приносит поесть горячее. Что слышно о сыне моего сына? Он, верно, сердит на меня, что я не написала ему ни слова благодарности за печку. Но скажите, разве я в силах идти покупать чернила и бумагу и писать письмо? Я с трудом подношу ложку супа ко рту. Странно, что эта Тили до сих пор не пришла. Я сказал: Если вы имеете в виду ту милую старушку, то она сказала, что скоро придет. Сказала раввинша: Я не знаю, милая она или нет, но в добрых делах ей не откажешь. Посмотри, сколько праведниц в Иерусалиме целый день как пчелы жужжат псалмы и молитвы, а хоть бы одна пришла спросить: ребецн, может вам что-нибудь нужно? Ой, голова моя, голова, если больное сердце не сведет меня в могилу, это сделает головная боль.

Я сказал: Я вижу, вам тяжело говорить. Она сказала: Тяжело. Я сама себе в тягость. Даже кошка это почувствовала и ушла. А еще говорят, что кошка привязана к дому. Наверно, соседские мыши вкуснее, чем то, чем я ее кормлю. Что я хотела сказать? Все, что хочу сказать, забываю. Не то что Тили. Столько лет у нее за плечами, а голова до сих пор в порядке. Она же вдвое старше меня. Если бы жив был мой отец, праведной памяти, то он перед ней был бы ребенком. Я сказал: Кто она такая, эта Тили? Сказала раввинша: Ты велт только что ее поминал. Теперь уже Тили никто не знает. А раньше все знали Тили, она ведь была баснословно богата. Когда она бросила там все дела и приехала в Иерусалим, привезла бочки с золотом. Если не бочки, то одну бочку, наверное, привезла. Мне рассказали соседки, которым рассказывали служанки, что когда Тили приехала в Иерусалим, все самые почтенные люди в городе ее обхаживали. Кто для себя старался, а кто для сына. Но она всех отвергла и осталась вдовой. Сначала богатой вдовой, потом зажиточной и, наконец, просто старушкой.

Я сказал: Посмотреть на Тили, можно подумать, что она прожила легкую жизнь. Посмеялась надо мной раввинша и сказала: Легкую, говорите? Она вообще не видела ничего хорошего. Врагам своим я не пожелаю того, что было у Тили. Ты думаешь, наверно, что если она не нуждается в милостях иешивы, то жизнь ее – одно удовольствие. А я скажу тебе, что даже нищий, что по домам

[4] Псалом 64: 5 (Теилим 65: 5).

побирается, с ней бы не поменялся. Ой, боли, какие боли! Я их забываю, а они меня нет.

Я видел, что раввинша знает больше, чем говорит, но чувствуя, что если я спрошу ее, она ни за что не ответит, я встал со стула и собрался уходить. Она сказала: Не успел трубочист залезть в трубу, а лицо уже в саже. Еще не посидел, а уже уходить собрался. Что ты спешишь? Я сказал: Если хотите, я посижу. Она промолчала.

Я завел разговор о Тили и сказал: Расскажите мне о ней что-нибудь. Она ответила: И кому от этого легче будет? Тебе или мне? Не люблю я, когда начинают истории рассказывать. Нижут паутину к паутине и говорят: ковер. Я скажу тебе только одно: сжалился Всевышний над тем праведником и потому наслал безумие на ту отступницу, будь она проклята. Что ты на меня смотришь? Не понимаешь идиш? Я сказал, что идиш я понимаю, но не могу понять, о чем она говорит. Какой праведник, какую отступницу она клянет? Сказала раввинша: А что я, хвалить ее должна, надо сказать: молодец, выкрестка, променяла золотой динар на медный грош? Что ты снова на меня глядишь, будто я по-турецки говорю? Слыхал наверное, что мой муж, царство ему небесное, был раввин? Поэтому меня называют раввиншей. Но ты не слышал, что мой отец был тоже раввин, и такой раввин, что все раввины могли бы быть его учениками. Если я говорю раввин, я имею в виду настоящих раввинов, а не таких, что прикрываются плащом учености и только носят имя раввина. О, этот мир, все в нем ложь и суета. Но мой отец, царство ему небесное, был настоящий раввин, с самого детства. И потому все сваты, какие только были в стране, не могли подобрать ему невесту. Была одна богатая вдова. Если я говорю богатая, так она действительно была богатая. И у нее была единственная дочь, лучше бы ее не было. Взяла она бочку золота и сказала сватам – кто сосватает ему мою дочь, тот получит эту бочку, если мало, – еще прибавлю. А дочь не была достойна этого праведника, потому что он был праведник, а она – чтоб ей в аду гореть! – выкрестилась, как это потом выяснилось, потому что она сбежала и ушла в монастырь, и приняла их веру. И когда сбежала? Когда ее вели к свадебному покрову, к *хупе*. Мать ее половину состояния истратила, пытаясь вызволить ее оттуда. До самого царя дошла несчастная мать, но куда там! Кто в монастырь попадет, больше оттуда не выйдет. И ты знаешь, кто была эта отступница? Она дочь... Тсс, вот она идет.

Вошла Тили с кастрюлей в руках, увидела меня и сказала: Ты здесь? Сиди, друг мой, сиди. Посетить больную – это великая мицва. Раввинша уже поправляется. Милость Всевышнего не заставляет себя ждать, каждый час лучше становится. Я тебе немного супа принесла. Подними, дорогая, голову, я поправлю подушку. Вот так, дорогая. Жалко, сыночек, что ты не живешь в городе и не видишь, как раввинша поправляется, прямо с каждым часом.

Я сказал: Разве я не живу в Иерусалиме? Разве Нахалат Шив'а[5] – это не Иерусалим? Тили сказала: Боже упаси, кто это может сказать? Наоборот, будет время, когда Иерусалим дойдет до самого Дамаска. Только глаза-то привыкли видеть Иерусалим внутри стен – и не видят его в том, что строится за стенами. Страна Израиля вся святая, об окрестностях Иерусалима и говорить нечего, но внутри крепостных стен – это святая святых. Я знаю, сыночек, тебе все это известно не хуже меня, так зачем же я это все говорю? Просто хочу сказать что-нибудь во славу Иерусалиму.

[5] Один из первых кварталов, построенных в 19 веке за крепостной стеной Старого города.

Я почувствовал взгляд раввинши, понял, что ей неприятно, что Тили говорит со мной, а не с ней, попрощался и вышел.

Меня одолели заботы, и я не ходил больше в Старый город. Потом заботы пришли вместе с туристами. Вы не знаете туристов. Они смеются над нами и над нашей страной, но едва Всевышний дал нам возможность немножко дышать свободно, у них появляется желание посмотреть Страну. А уж если приезжают, то смотрят на нас так, будто мы для того и родились, чтобы их обслуживать. Вообще туристы – это не плохо, потому что, показывая им, мы тоже кое-что заметим. Раз или два я ходил показывать им Западную Стену и встретил Тили. Если я не ошибся, в ней появилось что-то новое. Прежде она ходила без палки, а теперь шла, опираясь на палку. Из-за туристов я не смог остановиться и заговорить с ней. Они ведь приехали для того, чтоб увидеть Страну, а не беседовать со старушкой, которая в плане не предусмотрена.

Когда туристы покинули Иерусалим, я не знал, чем себя занять. Хотел снова сесть за работу, да так и не сел. Взял и пошел в город, и обошел все места, где я был с туристами. Повидал то, что видел, и то, чего не видел. Возобновляющий каждый день Творение, каждый час обновляет Свой город. Не то чтобы строили новые дома или сажали новые деревья, – сам Иерусалим каждый день обновляется. Каждый раз, как я оказываюсь в городе, я вижу его совершенно иным. Что в нем нового, я не могу сказать. Пусть попробуют объяснить великие толкователи.

Нашел меня тот ученый муж, увлек за собой и начал рассказывать про свои открытия. Сидели мы, сидели, я спрашиваю, он отвечает, я возражаю, а он доказывает, я запутываю, он распутывает. Что может быть лучше и приятнее, чем сидеть в гостях у иерусалимского ученого мужа, углубляясь в Тору! Дом у него простой, и все в нем простое, и только мудрость в нем необъятна, вроде простора тех оттенков цвета в Иерусалимских горах, что видны из окна. Пустынны горы в Иерусалиме, ни дворцов на них, ни сторожевых башен. С тех пор как нас изгнали из нашей Страны, один за другим приходят сюда народы и продолжают дело разрушения. Но горы стоят во всей своей красе, играют цветами радуги, а посередине – Масличная гора. Правда, лес на ней не зеленеет, но зато там могилы праведников, все помыслы которых и в жизни и в смерти устремлялись к этой Стране.

Когда я собрался уходить, вошла хозяйка и сказала мужу: Не забудь, что ты обещал Теиле. Он покачал головой и сказал: Чудеса. Сколько я знаю Теилу, она никогда никого ни о чем не просила. А теперь она попросила меня передать, что хочет тебя видеть. Я сказал: Ты имеешь в виду старушку, показавшую мне твой дом? Мне кажется, что ее зовут как-то иначе. Он ответил: Теила – это ее полное имя, а так – она Тили. Ты можешь видеть на этом примере, что уже много поколений назад наши предки давали своим дочерям имена, которые, казалось бы, придуманы сегодня. Мою жену, например, зовут Тхия[6]. Ты думаешь, наверно, что это имя создано поколением нашего возрождения. На самом деле это имя придумал великий Ѓарим[7]. Он велел отцу бабушки моей жены назвать дочь Тхия, а по ее имени назвали мою жену. Я сказал: Ты говоришь о том, что было четыре-пять поколений назад, разве эта старушка такая древняя? Он улыбнулся

[6] Возрождение (иврит).

[7] Рабби Ицхак Меир Алтер Ротенберг (акроним Ѓарим; 1799 – 1866), выдающийся мудрец, основатель Гурской династии хасидов. Правнук рабби Ионатана Эбищюца.

и сказал: На ее лице невозможно увидеть годы, а сама она о них не рассказывает, и если бы не случайное слово, мы бы о том совсем ничего не знали. Как-то Теила пришла к нам поздравить со свадьбой сына и пожелала ему и его жене дожить до ее лет. Сын спросил: как понять такое пожелание? – Мне девяносто и одиннадцать лет, сказала Теила. Это было три года назад. Значит, теперь ей сто четыре.

Я сказал: Раз уж ты вспомнил о ней, скажи мне, кто она такая? Он ответил: Что я могу сказать? Праведница в полном смысле слова. И если у тебя есть желание, – зайди к ней. Но только я сомневаюсь, что ты ее застанешь. Она или навещает больных, или пошла, чтобы сделать еще какую-нибудь мицву, о которой никто не просил. А может быть, ты застанешь ее. Между мицвот она иногда бывает дома и чинит сиротам одежду. Раньше, когда она была богата, помогала деньгами, теперь, когда у нее самой едва хватает, она помогает собственными руками.

Ученый муж довел меня до самой двери Теилы. По пути он рассказал еще о нескольких своих открытиях. Потом увидел, что я не слушаю, улыбнулся и сказал: С тех пор как я упомянул о Теиле, ты совсем оторвался от мира сего. Я сказал: Если хочешь, расскажи о ней еще что-нибудь. Он сказал: То, что я знаю о нынешней Теиле, я тебе рассказал, а что было с ней за границей, я не знаю, разве что то, что знают все, – что она была богата, что было у нее крупное дело. Потом у нее умер муж, умерли дети, она оставила все дела и поселилась в Иерусалиме. Когда моя покойная мать видела Теилу, она всегда говорила: Теперь я понимаю, что могут быть вещи хуже вдовства, хуже даже, чем смерть детей. Что это такое, – мать не говорила, так что я не знаю, и никто не знает, потому что все, кто ее знал за границей, давно уже умерли, а Теила не любит рассказывать о себе. Даже теперь, когда она изменилась и стала больше разговаривать, она никогда не говорит о себе. Вот мы и пришли. Сомневаюсь, что ты застанешь ее дома, она по большей части ходит из хедера в хедер и раздает детям сласти.

Через несколько минут я стоял в комнате Тили. Тили сидела у стола, будто поджидая меня. Комната была маленькая, с толстыми стенами и сводчатым потолком, как строили в Иерусалиме в прежние столетия. И если бы не небольшая кровать в углу и глиняный кувшин на столе, я бы подумал, что она предназначена для молитвы. И все же скудность обстановки: медная лампа, медная кружка для омывания рук, медная рожковая люстра со свечами, а также стол, на котором лежали молитвенник, Пятикнижие и еще какая-то книга, – придавала комнате вид молельни.

Я слегка поклонился и сказал: Благословенны присутствующие. Она ответила: Благословенны входящие. Я сказал: По-царски вы здесь живете. Она ответила: Все дщери Израиля – царские дочери, и я, Теила, хвала Всевышнему, я тоже дочь Израиля. Хорошо, что ты пришел, я хотела тебя видеть. И не только видеть, но и поговорить. Хотел бы ты оказать мне услугу? Я сказал: До полцарства. Она сказала: Ты прав, что говоришь о царстве. Все сыновья Израиля царского рода, и их дела – царские дела. И когда один сын Израиля оказывает другому услугу, он поступает по-царски. Сиди, сыночек, сиди. Сидя, удобнее говорить. Я отнимаю у тебя время. Ты, наверное, занят, ты должен сейчас работать. Прошли те времена, когда времени было вдоволь и мы были рады посвящать его беседе. Теперь все бегут, все спешат. Все совершенствуются в быстроте, чтобы иметь силы бежать навстречу Мессии. Смотри, сыночек, как я стала болтлива. Я забыла слова того старика, который меня предостерегал.

Я сел напротив и ждал, что она скажет, зачем она звала меня. Но вспомнив про старика, она погрузилась в молчание. Наконец, взглянула на меня, отвела глаза и снова взглянула, словно проверяя посланца, годится ли он для избранной ею задачи. Наконец, она заговорила. Рассказала о кончине раввинши, которая умерла этой ночью, в то время как печка ее горела и кошка грелась у печки, потом раввиншу унесли, и кто-то пришел и взял ее печку. Видишь, сыночек, сказала Теила, человек делает мицву, а потом сама мицва делает другую мицву. Ты сделал мицву той бедняжке, а мицва, в свою очередь, сделала мицву другому человеку, которому тоже нужно было согреть зимой свои кости. И она снова взглянула на меня и сказала: Ты, наверное, удивлен, что я просила тебя прийти. Я сказал: Напротив, я рад. Она сказала: Если ты рад, то я тоже. Я рада, что нашла человека, готового оказать услугу. А ты чему рад? Помолчав, она сказала: Я слышала, что ты пишешь. Как теперь говорят, писатель. Я надеюсь, что ты одолжишь мне свое перо для небольшого письма. Я уже много лет собираюсь его написать. Если только ты согласен написать его для меня.

Я вынул вечное перо. Она посмотрела на него и сказала: Ты носишь с собой перо, как некоторые носят ложку: попадется еда по пути – а у них есть ложка. Я сказал ей: Здесь еда в самой ложке. И объяснил ей, что это за перо. Она взяла в руки перо и сказала: Ты говоришь, здесь есть чернила, но я не вижу ни капли чернил. И я снова ей объяснил, где чернила. Она сказала: В таком случае напрасно обвиняют нынешнее поколение, что все его изобретения лишь во зло. Оно изобрело переносную печку и это перо, есть, верно, и другие полезные людям вещи. Чем больше живешь, тем больше видишь. Но ты все же возьми мое перо и эти чернила. Я не сомневаюсь в твоем пере, но это письмо напиши моим. Вот бумага. Это гербовая бумага, ей очень много лет. Тогда еще делали хорошую бумагу. Столько лет она у меня – и еще совершенно как новая. Есть у меня к тебе еще просьба: пиши такими буквами, как в молитвеннике или как в Торе. Писатель, даже если ему не пришлось написать свиток Торы, уж *мегилу*, наверно, когда-нибудь написал. Я сказал: Когда я был еще мальчиком, я написал *мегилу*, кашерную, по всем правилам. Не знаю, поверите ли вы мне или нет, но все, видевшие эту *мегилу*, хвалили ее[8]. Она сказала: Хотя я ее и не видела, я представляю себе, что ты хорошо умеешь писать. Пойду сварю тебе стакан иссопа, а ты пока пиши. Я сказал: Не беспокойтесь, я только что пил. Она же сказала: Так чем я тебя угощу? Я тебе дам кусок сахара, скажи благословение, а я отвечу Амен.

Она достала кусочек сахара и протянула мне. Спустя некоторое время она сказала: Возьми перо, обмакни, начнем писать. Я тебе буду говорить на идиш, а ты пиши на *лошн койдеш*. Я слышала, что теперь девочек учат писать и говорить на *лошн койдеш*. Видишь, сыночек, Всевышний ведет Свой мир от поколения к поколению и все время к лучшему. Когда я росла, не было такого обычая. Но все же я понимаю молитвы, Пятикнижие, и псалмы и Пиркей Авот. Ой, сыночек, я же сегодня не кончила. – Я знал, что она имеет в виду дневной раздел *теилим*, и сказал: Почему вы огорчены? Вы должны бы радоваться: вам свыше прибавили еще один день к вашим дням. Она вздохнула и сказала: Если б я знала, что завтра придет Мессия, я бы рада была прожить еще день на земле. Но жить день за днем, когда он не приходит, что за радость? Я не ропщу на свои годы, – если такова Его Воля, чтобы я еще жила, что ж, я согласна. Я только спрашиваю себя,

[8] Видимо, свиток Эстер для чтения в Пурим.

до каких пор будет топтать землю этот мешок костей? Более молодые уже покоятся на Масличной горе, а я передвигаю ноги, пока совсем не сотрутся. Разве не приятно прийти туда с целыми руками и ногами и возвратить залог в приличном виде? Я, конечно, не тучность имею в виду, это только тяжесть носильщикам, но все же умершему подобает иметь целые члены. Снова я разболталась. Но теперь уже все равно. Словом больше, словом меньше. Я готова возвратить залог владельцу. Бери, сыночек, перо, пиши.

Я обмакнул перо в чернила и стал ждать ее слов, чтобы написать их. Она же погрузилась в мысли, словно забыв о моем присутствии. Я сидел, рассматривая каждую морщинку, каждую складочку на ее лице. Сколько превратностей судьбы пережила она! Она имеет обыкновение говорить, что видела в жизни добрые вещи и более чем добрые. Насколько мне известно, она видела много недобрых вещей. Она мне напоминает речение мудреца: скорбь в сердцах праведных и ликование на их лицах. Вдруг она вспомнила обо мне, повернула ко мне лицо и сказала: Начал? Я сказал: Вы еще не сказали мне, что писать. Она сказала: Начало ты знаешь сам как писать. Начинают хвалой Всевышнему и пишут: *С Божьей помощью, да благословится Он*. – Я разгладил бумагу, взял перо и написал: *С Божьей помощью, да благословится Он*. Она выпрямилась, осмотрела написанное и сказала: Хорошо, красиво. Что теперь будешь писать? Пиши здесь. *В святом городе Иерусалиме, да будет он отстроен и воздвигнут вновь в наши дни и в ближайшее время. Амен*. Когда я говорю просто так, я называю его Иерусалим и ничего не прибавляю, но в письме нужно упомянуть о святости города и еще просьбу о его воздвижении, чтобы сердце того, кто будет читать, обратилось к Иерусалиму, и сжалилось над ним, и вознесло за него молитву. А теперь, сыночек, напиши сегодняшний день, главу из Торы, которая приходится на эту неделю и год.

После того как я написал дату, она прибавила: А теперь, сыночек, постарайся и напиши *ламед* с высоким хвостом. Написал? Покажи, как вышло. Нельзя сказать, чтобы некрасиво, а все-таки надо хвостик выше. Теперь, сыночек, напиши рядом *каф*, а за ней *бет*, а после нее *вав*. *Вав*, я сказала. А теперь *далет*. И вот вышло *лихвод*. Очень красиво. Тот, которому ты пишешь, стоит красивого письма. А теперь напиши: *прославленному учителю моему*... Уже? Мои мысли не поспевают за твоей рукой. Пока я соберу свои мысли, ты уже их написал. Твой отец, да осветит Господь его рай, не зря платил деньги за твое учение. Извини, сыночек, я устала. Отложим письмо до другого дня. Когда ты можешь прийти? Я спросил ее: Завтра? – Завтра? Ты хочешь прийти завтра? Какой завтра день? – Канун Новомесячья. – Канун нового месяца очень подходит. Итак, завтра. Пусть будет завтра.

Я видел, что она погрустнела, и подумал про себя – канун месяца – это день молитвы, день, когда все едут на гробницу Рахили, – у нее, наверное, не будет времени писать письмо. Я сказал ей: Если вы завтра заняты, я приду в любой другой день. – А почему не завтра? Я сказал: Ведь завтра *рош ходеш*. Она сказала: Сыночек, ты напомнил мне о моем несчастье. Начало нового месяца, а я не могу поехать на гробницу праматери Рахили. – Почему? – Почему? Потому что ноги меня не несут. Я сказал ей: Но ведь есть извозчики, есть автобусы. Теила сказала: Когда я приехала в Иерусалим, еще не было автобусов, и даже извозчиков не было, и мы ходили пешком. И так как я привыкла всю жизнь ходить пешком, мне

уже ни к чему менять привычку. Как ты сказал, придешь завтра? Если Всевышний хочет дать мне завершить то, что я задумала, он продолжит мою жизнь еще на один день. Я попрощался, ушел, и на следующее утро вернулся.

Я не знаю, должен ли был я так поспешно прийти. Может быть, если бы я отложил свой приход, дни ее были бы продолжены.

Войдя, я сразу увидел, что в ней что-то изменилось. Ее лицо всегда светилось, теперь этот свет был еще явственнее. И комната ее светилась так же, как и лицо. Камни пола сверкали чистотой, как и все предметы в доме. На маленькой кровати была разостлана свежая простыня, края стен были покрашены синей известкой. На столе стоял кувшин, прикрытый листом пергамента, рядом с ним – печать, свеча и бумага. Когда она успела побелить стены, когда вымыла пол, начистила все в доме? Если только ей не помогали ангелы, она должна была провести за этой работой всю ночь.

Она с трудом приподнялась и сказала шепотом: Хорошо, что ты пришел. Я думала, что ты забыл, и хотела уже пойти по делам. Я сказал: Если вам нужно, идите. Я приду позже. Она сказала: Мне нужно продлить договор, но раз ты пришел, садись, – будем писать, а потом я пойду продлевать.

Она встала, разложила передо мной письмо, принесла перо и чернила. Я взял перо, обмакнул и сидел, ожидая, когда она скажет мне, что писать. Она сказала: Ты уже готов? Я тоже. При этих словах лицо ее просветлело, и улыбка тронула губы. Я снова обмакнул перо и посмотрел на нее. Она почувствовала взгляд и сказала: На чем мы остановились? Теперь пиши имя. Я снова погрузил перо в чернила и ждал, когда она назовет имя. Она прошептала: Шрага его зовут. Написал? – Написал. Она прикрыла глаза, будто задремала. Потом встала со стула, всмотрелась в написанное и тихо повторила: Шрага его зовут. Шрага. Снова села и умолкла. Потом, наконец, очнулась и сказала: Я вкратце расскажу тебе, что писать. Подождав, она сказала, прищурившись: Придется сначала все рассказать. Ты будешь знать, о чем идет речь и что нужно писать. Это старая история, это было очень много лет назад. Девяносто и три года назад. Она приблизила к себе свою палку и оперлась на нее подбородком. Потом подняла голову и некоторое время смотрела удивленно, как будто думала, что она одна, – и вот увидела перед собой постороннего. Ее спокойствия как ни бывало, на лице проступили горе и гнев. Она поискала рукой палку, оставила ее, снова взяла и оперлась, потом провела по лицу рукой так, словно намеревалась разгладить морщины. И снова сказала: Если я все расскажу, тебе будет легче писать. Ты ведь имя уже написал: Шрага. Теперь я тебе все расскажу с самого начала.

Она подняла глаза и огляделась. Убедившись, что мы совершенно одни, она начала: Тогда мне было одиннадцать. Откуда мне известно, сколько мне тогда было лет? Мой отец, благословенной памяти, имел привычку записывать в Пятикнижии дату рождения каждого ребенка, даже девочек. Возьми это Пятикнижие и сможешь увидеть. Когда я уезжала в Иерусалим, братья, благословенной памяти, отказались от своего права на Пятикнижие отца и передали его мне. Все это было очень давно, девяносто и три года назад. Но я все хорошо помню. Я расскажу тебе, а ты поймешь и все остальное. Если у тебя есть желание слушать, я начну. Я кивнул головой и сказал: Рассказывайте.

Она снова начала: Так вот, мне тогда было одиннадцать. Однажды после вечерней молитвы приходит отец, благословенной памяти, и с ним несколько знакомых, и Петахия, отец Шраги. Когда они пришли, мама велела мне вымыть лицо и надеть субботнее платье. И она тоже надела субботнее платье, повязала голову шелковым платком, взяла меня за руку и вместе со мной вышла в большую комнату, где отец сидел с гостями. Посмотрел на меня отец Шраги и сказал: Девочка недурна. Отец погладил меня по щеке и обратился ко мне: Теила, ты знаешь, кто с тобой говорит? Отец твоего жениха говорит с тобой. Поздравляю, дочка, сегодня ты обручилась, и вот ты уже невеста. Все принялись поздравлять меня, говорить *мазал тов*, и все называли меня невестой. Мама меня подхватила и увела в свою комнату, подальше от дурного глаза. Там она поцеловала меня и сказала: теперь ты наречена Шраге и с Божьей помощью через год, когда жених уже наденет тфилин, мы введем вас под свадебный покров.

Я знала Шрагу, мы играли в орехи и в прятки, пока он не вырос и не начал учить Гемару. С тех пор как нас обручили, я видела его каждую субботу. Он приходил к моему отцу и повторял в его присутствии все, что учил за неделю. Мама давала мне в руки сласти, и я ставила их перед отцом, а он гладил меня по щеке и улыбался жениху.

Тем временем начались приготовления к свадьбе. Отец Шраги сам написал для него тфилин, мой отец купил ему талес, и я ли сшила мешочек для тфилин и большой – для субботнего талеса или кто другой, не помню.

В одну из суббот, недели за четыре до того, как была назначена свадьба, Шрага не пришел к отцу. После *минхи* отец спросил о нем в синагоге, и ему сказали, что он уехал. – Куда уехал? – Он уехал к хасидскому ребе. Отец Шраги взял сына с собой, чтобы он мог получить благословение ребе перед тем, как в первый раз надеть талес и тфилин. От этого известия у отца в глазах потемнело. Он не знал, что отец Шраги принадлежит к сектантам. Тот скрывал свою принадлежность к хасидам, ибо тогда они были гонимы и презираемы, и мой отец стоял во главе их гонителей. Хасиды для него были все равно, что не евреи. По исходе Субботы, после гавдалы, отец разорвал брачный договор и обрывки послал в дом Шраги. Во вторник Шрага с отцом вернулись из поездки и пришли к моему отцу. Тот выгнал их с позором. И Шрага поклялся, что никогда не простит, а отец даже не счел нужным попросить у Шраги прощения, хотя и знал, что если разрывают брачный договор, следует просить прощения. И когда мама умоляла его помириться со Шрагой, отец смеялся и говорил: Побойся Бога, они же сектанты! Отец настолько презирал хасидов, что и не подумал остеречься того, чего все остерегаются.

Все было готово к свадьбе. Дом был полон мешков с мукой и бочек меда, приглашены были женщины чтобы печь халы и пироги. Словом, все было готово к хупе. Не хватало только жениха. Отец позвал свата, и мне нашли другого жениха, и с ним я пошла под хупу.

Я не знаю, что дальше случилось со Шрагой, отец строго запретил всем в доме произносить его имя. Много времени спустя я слышала, что он и вся их семья переехали в другой город, потому что жить им стало невозможно. С того

дня как отец расстроил свадьбу, их уже не вызывали к Торе, даже в Симхат Тора. Дома у себя собирать *миньян* они тоже не могли, ибо отец как глава общины запретил. Если бы они не переехали в другой город, где их вызывали читать Тору, они бы не выдержали.

Через три года после свадьбы Господь дал мне мальчика. Еще через два года снова родился сын. И еще через два года Господь послал мне дочь.

Годы спокойно текли, мы жили в достатке. Дети росли хорошо, и мы с мужем, благословенной памяти, только радовались. Я забыла Шрагу, забыла, что не получила от него письма с прощением.

Отец и мать ушли в другой мир. Перед смертью отец, благословенной памяти, передал все дела сыновьям и мужьям дочерей и наказал жить дружно. Дела шли хорошо, нашу семью уважали. Для сыновей мы держали хороших меламедов, а для дочери я взяла учительницу-нееврейку. В те времена богобоязненные люди избегали брать девушкам еврейских учителей, всех их считали безбожниками.

Меламедов мой муж приглашал из других городов, потому что местные меламеды вынуждены брать любых учеников, независимо от их поведения. Если же меламед приглашен из другого города, он должен считаться с хозяином и не берет учеников без разбора. Так как все они были холостыми, они ели в субботу за нашим столом. Мой муж, который, несмотря на свою занятость, никогда не переставал в назначенные часы дня заниматься изучением Торы, был всегда рад такому гостю, потому что мог услышать от него слова Торы. А я и дети были рады услышать пение гостя за столом. Мы не знали, что гость наш хасид и что это хасидское пение. Во всем остальном он вел себя так же, как и все известные нам евреи. Однажды в субботний вечер, закончив проповедь, наш меламед начал петь, прикрыв глаза, удивительно красивую мелодию, от которой сладостно ныла душа. Мой муж спросил меламеда: где найти такую набожность? Меламед прошептал: Поезжайте к нашему ребе, да продлятся его дни, и найдете стократно.

Через несколько дней мой муж попал в тот город, где жил ребе меламеда. Он привез оттуда новые обычаи, каких я не видела в доме отца. Я знала, что это хасидские обычаи. И я думала про себя: кто снимет прах с глаз отца, ведь он выгнал Шрагу за то, что тот был хасидом, а муж, которого он мне дал вместо Шраги, пошел по тому же пути. Если все это происходит не в искупление греха, то я уже не знаю, зачем.

Мой брат и муж сестры видели все это и ничего не говорили. Пришло новое поколение, и теперь человеку уже не приходилось стыдиться родственников-хасидов. За это время в городе появилось много богатых женихов из других мест, и они следовали хасидским обычаям. Они основали хасидскую синагогу и открыто посещали своих ребе. Мой муж не стал молиться в хасидской синагоге, но вел себя как хасид, приучал к хасидизму детей и время от времени ездил к ребе.

За год до того как наш сын достиг возраста бар-мицвы, мир поразила чума и многие заболели, спаси Господь. Не было дома, где бы кто-нибудь не заболел. Настигла беда и нас, и старший сын заболел. В конце концов сжалился над нами Всевышний, но ненадолго. Выздоровев, он начал учить законы о тфилин по большому **Шульхан Аруху**, а я радовалась, что хасидизм не отдалил его от учебы.

Однажды встал утром наш сын, и пошел в синагогу, и встретил там человека, облаченного, как покойник, в саван. Человек этот не был мертв, он был не в своем уме, спаси нас Господь, и делал странные вещи. Мальчик испугался, и душа вылетела из него. С трудом вернули его к жизни. К жизни, но недолгой. С тех пор он начал угасать, как свечка на исходе Судного Дня. Не успел он надеть тфиллин, как душа его отлетела, и он умер.

Я сидела семь траурных дней и думала. Мой сын умер на исходе Субботы после гавдалы, за тридцать дней до бар-мицвы. И на исходе Субботы после гавдалы, за тридцать дней до того, как мы со Шрагой должны были вступить под свадебный покров, отец разорвал договор о нашем браке. Я сопоставляла дни, и меня леденил ужас. Два несчастья произошли в тот же день и в тот же час. Даже если это случайность, об этом следовало задуматься.

Через два года вырос его брат и достиг возраста бар-мицвы. Вырос и не вырос. Он пошел с товарищами в лес принести ветви на праздник Шавуот. В лесу он ушел от друзей и отправился к переписчику посмотреть свои тфилин. Ушел и не вернулся. Мы думали, что его увели цыгане. В эти дни видели табор цыган в городе. Через много дней его тело нашли в большом болоте возле леса. Так мы узнали, что мальчик заблудился и забрел в непроходимую трясину.

Когда кончились семь траурных дней, я сказала мужу: что у нас теперь осталось? Осталась маленькая дочка. Если мы не попросим прощения у Шраги, ее постигнет участь братьев.

Все эти годы мы ничего не слышали о Шраге. Так как он и его семья уехали из нашего города, мы забыли о них и не знали, где они. Сказал мой муж: Шрага – хасид такого-то ребе, поеду я к нему и, может быть, услышу о Шраге. Мой муж не был хасидом этого ребе, наоборот, он сторонился его из-за спора об одном резнике. Случилось, что один ребе назначил резника, а другой счел его неподходящим. Из-за этого спора один человек был убит, несколько семей покинули страну, несколько хозяев разорились, а некоторые не прожили своих дней от горя.

Поехал мой муж к этому ребе. Не успел он доехать до места, как ребе умер, сыновья его стали ребе – наставниками хасидов и разъехались по разным городам. Ездил мой муж от одного ребе к другому и всюду спрашивал о Шраге, но никто о нем ничего не знал. Наконец, сказали ему: ты спрашиваешь о Шраге? Шрага уже не хасид. Где он, никто не знал.

Хасида ты еще можешь найти. Если он не хасид этого ребе, то хасид другого ребе. Но просто еврея, если тебе не известно, где он, как ты можешь найти? Мой муж, мир его душе, часто разъезжал, и дела приводили его во многие места. Он ездил и всюду спрашивал о Шраге. Из-за этих поездок здоровье его ослабело, он начал кашлять кровью. Однажды поехал куда-то, заболел там и умер.

Я поставила памятник на его могиле, вернулась в город и начала смотреть за делами. Еще при жизни мужа я помогала ему вести дела. С тех пор как он умер, я занялась ими полностью. И Господь, благословенно Имя Его, удвоил мои силы, так что подруги обо мне говорили, что у меня силы мужчины. Была бы лучше у меня мудрость, а не силы. Но Господь Бог исполнен мудрости и не хочет, чтобы сотворенные им сами решали, что для них хорошо. Я думала: все труды мои для доченьки. Чем богаче мы будем, тем ей лучше. И так как я была занята множеством разных дел, в доме я бывала только в Субботу и в праздники. И даже

тогда половина дня уходила на синагогу, а другая половина – на гостей. Да дочь во мне и не нуждалась. Я наняла ей учительниц, и она прилежно училась, и я слышала много похвал моей дочери. Даже неевреи, которые всегда смеются, считая, что мы говорим на их языке недостаточно хорошо, хвалили мою дочь, потому что она говорила так же, как самые благородные из них. Учительницы-нееврейки не могли ею нахвалиться и приглашали ее к себе домой. Я позвала сватов, и они нашли ей жениха, большого ученого, уже ставшего раввином. Но не удостоилась я вести ее к хупе. Злой дух вселился в нее, и она повредилась в рассудке. О чем я теперь тебя прошу, сыночек, напиши Шраге, что я простила ему все несчастья, которые постигли меня из-за того, что он был нами унижен. И напиши, что и он должен простить, что я довольно страдала.

Я сидел безмолвно, неподвижно. Потом коснулся глаза пальцем и смахнул слезу. Я сказал Теиле: Скажите мне, пожалуйста, с тех пор как ваш отец разорвал брачный договор, прошло девяносто с лишним лет, и вы думаете, что Шрага еще жив? А если жив, то знаете ли вы, где он? Сказала Теила: Шраги нет в живых, Шрага умер. Он умер тридцать лет тому назад. Откуда я знаю, когда он умер? В тот год седьмого адара[9] я пошла днем молиться, и после чтения Гафтары,[19] во время поминания умерших, я услышала, что произнесли имя Шраги. После молитвы я спросила шамеса: кто этот Шрага, которого сегодня поминали? Он сказал мне: такой-то сын такого-то, его родственник велел помянуть его. Я пошла к родственнику Шраги, и он мне все рассказал.

Я сказал: Если Шрага умер, то куда же вы хотите послать ему письмо? Сказала Теила: Ты думаешь, что от горя помешалась старуха, что она надеется, что почта доставит умершему письмо? Я сказал ей: Так что же вы хотите делать?

Она встала и, подняв кувшин со стола, сказала нараспев: Я возьму это письмо, положу в кувшин, возьму печать и кувшин запечатаю, и возьму с собой этот кувшин вместе с письмом.

Я подумал: если она возьмет с собой кувшин с письмом, я все же не понимаю, как оно дойдет до Шраги. Я посмотрел на нее и спросил: Куда вы возьмете этот кувшин с письмом? Теила засмеялась добрым смехом и мягко сказала: Куда я возьму кувшин? Я его возьму в могилу, в могилу я возьму кувшин и письмо. Там, в горнем мире, Шрагу знают и знают, где он. И верные посланцы Всевышнего передадут ему мое письмо. И Теила снова тихо засмеялась смехом, похожим на смех ребенка, перехитрившего взрослых. Потом она опустила голову на свою палку и, казалось, задремала. Потом подняла голову и, взглянув на меня, сказала решительно: А теперь, когда тебе уже все известно, пиши сам. Сказав это, она снова опустила голову на свою палку.

Я взял перо и начал писать. Когда я кончил писать, Теила подняла голову и сказала: Ты уже кончил? Я стал читать ей. Она закрыла глаза, как будто все это ее уже не касалось и даже слушать не было желания. Когда я кончил, она открыла глаза и сказала: Хорошо, хорошо, сыночек, ты хорошо меня понял. Можно было иначе написать, но и так, как ты написал, все достаточно ясно. А теперь, сыночек, дай мне перо, я подпишу свое имя на письме, и положу его в кувшин, и пойду заверить договор.

[9] День рождения и смерти нашего учителя Моисея (Моше-рабейну).

Я обмакнул перо в чернила и протянул ей. Она взяла и подписалась. Потом еще раз провела пером по некоторым буквам, чтобы вышло яснее. Потом сложила письмо, положила его в кувшин и обернула горлышко куском пергамента. Потом зажгла свечу, взяла сургуч и подержала его над свечой, пока он не стал мягким. Запечатала кувшин, встала и подошла к кровати. Подойдя, она приподняла одеяло и положила кувшин под подушку. Сделав это, она посмотрела на меня добрыми глазами и мягко сказала: Пойду теперь заверять договор. Да даст тебе Всевышний добра, ведь ты не пожалел для меня трудов. Больше я тебя не обеспокою. Сказав это, она поправила одеяло, взяла палку и направилась к двери, поцеловала мезузу и подождала, пока я вышел. Она тоже вышла, заперла дверь и быстро пошла. Я последовал за ней.

По дороге она добрым взглядом провожала все места и каждого встречного. Неожиданно она остановилась и сказала: Скажи мне, как оставить такие святые места и таких хороших евреев? Я все еще не знал, о чем идет речь. Дойдя до перекрестка, она остановилась и попрощалась со мной. Я пойду с вами, сказал я. Мы прошли еще несколько шагов, она снова остановилась и сказала: Дальше я сама. Но, увидев, что я хочу идти с ней, ничего больше не прибавила и поднялась по ступенькам во двор погребального братства. Она вошла, и я тоже.

Мы вошли в помещение погребального братства – конторы для живых и для мертвых. Там сидели два писаря. Перед ними были разложены книги, они сидели с перьями в руках и дули в стаканы черного кофе. Увидев Теилу, они почтительно приподнялись и, поздоровавшись, придвинули ей стул. Старший из них обратился к ней и спросил: Что вас сюда привело? Она ответила: Я пришла, чтобы выполнить договор. Он сказал: Выполнить договор? А мы думали, что его уже пора отменить. Теила испуганно сказала: Что вы такое говорите?! Он сказал: Вы уже больше не числитесь в книге смертных. Улыбнувшись собственной шутке, он, обратившись ко мне, пояснил: Теила, дай ей, Всевышний, долгие дни и годы, каждый год к нам приходит продлить купчую на ее место на Масличной горе. И в прошлом году, и два года назад, и три, и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. Она будет приходить до пришествия Мессии. Сказала Теила: Придет он, придет, пусть уже приходит скорее. Но я вас больше не буду беспокоить. Писарь спросил удивленно: Может быть, вы собрались в киббуц, как девчонки, которых зовут халуцианками? Сказала Теила: Не в киббуц, я иду к себе. Сказал писарь: Едете обратно к себе за границу? Сказала Теила: Не за границу. Еду туда, откуда пришла. Как написано: *из праха ты взят и в прах ты вернешься*. Причмокнул писарь губами и сказал: Ну-ну, вы думаете, нашему братству совсем делать нечего? Послушайте меня, подождите еще лет двадцать-тридцать. Зачем спешить? Она прошептала: Я уже пригласила женщин для совершения омывания. Они хорошие женщины, с ними нельзя несерьезно поступить. Лицо писаря погрустнело, видно было, что ему не по себе. Затем он сказал: Мы очень рады, когда вы к нам приходите. Каждый раз мы в вас видим пример долголетия. А теперь, когда вы хотите оставить нас, вы как будто лишаете нас этого примера. Теила сказала: Если мне еще остались годы, я охотно отдаю их и вам и всем, кому хочется жить. Вот договор, подпишите.

После того как писарь скрепил купчую своей подписью, Теила взяла ее, опустила в карман и сказала: Больше я вас беспокоить не буду. Да будет с вами Всевышний, дорогие евреи, а я пойду к себе. Она встала и направилась к двери, остановившись, подняла лицо, поцеловала мезузу и вышла.

Заметив, что я следую за ней, она остановилась и сказала: Иди по своим делам, сыночек. Я сказал ей: Когда вы сказали, что идете заверить договор, я думал, что это касается дома, и вот... Она перебила меня: И вот я пошла, пошла заверить купчую на мой вечный дом. Дай-то Господь, чтобы мне недолго пришлось в нем жить, чтобы встать мне из него вместе со всеми детьми Израиля. Прощай, сыночек. Я тороплюсь домой. Женщины там уже ждут, наверное. Я молча продолжал стоять, а она пошла и исчезла в лабиринте домов и переулков.

Утром я пошел в город справиться о здоровье Теилы. Я встретил ученого мужа, дом которого она мне когда-то показала. Он стоял и задержал меня своими рассказами. Когда я пошел, он вызвался проводить меня. Я сказал, что не иду домой, я иду к Теиле. Он сказал: Ты пойдешь к ней, когда станешь ста двадцати лет. Видя, что я удивлен, он прибавил: Ты будешь долго жить. Эта праведница оставила нас.

Я попрощался с ним и ушел. Я шел и думал. Теила ушла. И оказался у ее дома. Я открыл дверь ее комнаты и вошел в нее.

В комнате царило спокойствие. Как в молитвенной комнате после молитвы. На полу стояли лужицы воды, которой омыли Теилу.

Перевела Г. Липш